
СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА: ИДЕОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА

Т. Шанин

В статье речь идет о становлении профессии социальной работы за рубежом и в России. Образование по социальной работе рассматривается как условие профессионализма. Обсуждается понятие депрофессионализации социальной работы. Автор прибегает к критическому и постмодернистскому подходам, анализируя современные проблемы социальной работы. В статье сравниваются российский и западный подходы к обучению студентов в вузах. Анализируется опыт российско-британской образовательной программы по социальной работе.

Ключевые слова: профессионализм, социальная работа, образование, интерактивное обучение, демократическое образование, самостоятельность студентов

Социальная работа – это культурный феномен современности, который воплощается в качестве новой профессии и академической дисциплины [см. об этом подробнее: Шанин, 1997; Shanin, 1998]. Развитие профессиональной социальной работы дает богатый фактический материал, изучение которого помогает получать сведения о структуре и самосознании современных обществ в их кризисных точках. Анализ связи социальной работы с социальной теорией может пролить свет на природу «развитого» общества. И наоборот, характеристики современного общества и его самоинтерпретации способствуют лучшему пониманию природы этой своеобразной профессии и академической дисциплины.

Как особая профессия социальная работа формировалась в основном под воздействием представлений о сущности профессионализма, которые находятся в неоднозначных отношениях и с современным государством, и с философией прав человека, что подтверждается как современными идейными исканиями обществоведов, так и противостоянием политических сил «правого» и «левого» толка.

Социальная работа: неоднозначная профессия и государственная власть

Общественное сознание часто связывало с социальной работой представления, которые не соответствуют действительности, но тем не менее очень живучи. Возьмем, к примеру, вопрос об истоках социальной работы. Нередко можно услышать мнение, что социальная работа – это просто современный светский вариант религиозной благотворительности, уходящей корнями в средневековье. На самом деле благотворительность и социальную работу объединяет лишь общая альтруистическая установка. По всем прочим основным параметрам – целям, методам и структуре, которые связаны с особой подготовкой работников-исполнителей, – они существенно различаются. Важнейшей движущей силой для людей, занимавшихся благотворительностью, были их чувство морального долга и стремление делать добро, обычно проистекающие из веры в бессмертие души. Акцент делался в данном случае на человека, творящего добро, а вклад его измерялся величиной и долгосрочностью оказываемой помощи. Современный же социальный работник видит свою задачу в том, чтобы человек, которому он помогает, смог обходиться без этой помощи и без социального работника, что и считается основным критерием профессионального успеха. Процесс, посредством которого этого пытаются достичь, называют по-разному: реабилитация, нормализация, реадaptация. Но главная цель всегда состоит в том, чтобы вернуть «клиенту» способность действовать самостоятельно в данном социальном контексте [Brown, Smith, 1990; Beyond Community... 1991]. Для этого будущих социальных работников учат разбираться в индивидуальной психологии «клиентов», характере связи человека с семейным и более широким социальным окружением, обучают приемам развития у своих подопечных активности и самостоятельности.

Другой способ описать специфику социальной работы по отношению к благотворительности, религиозной и светской, – это определить деятельность социальных работников как профессиональную [Abbot, 1988; Greenwood, 1965; Etzioni, 1969; Illich, 1972; Torstendahl, Burrage, 1990]. Именно слово «профессионализм» и является ключевым при определении сути социальной работы ее элитой. Используя в современном понимании термин «профессия», указывают на некий круг проблем и набор приемов, с помощью которых эти проблемы можно выявлять и разрешать. Таким образом, каждая профессия базируется на специфической для нее системе знаний как теоретического, так и практического характера, а также на своих критериях успешного разрешения заданных проблем. Кроме того, каждая профессия вырабатывает особую систему этических принципов, задающую некие «правильные» способы взаимоотношений с клиентами, коллегами и внешними инстанциями. Образовательные учреждения и профессиональные ассоциации стоят на страже этих принципов, превращая их в правила поведения.

Особенно явственно связь между операциональными и этическими компонентами деятельности выступает в тех профессиях, которые принято называть самыми гуманными (в англоязычной литературе – *caring professions*). Эти профессии, самоопределяясь в духе научной объективности, часто ставят задачи «инженерии» человеческих отношений, но в любом случае все имеет конечную цель, определяемую интересами клиента [Freidson, 1994]. Знания, умения, понятия и нормы профессиональной деятельности передаются от поколения к поколению через систему профессиональной подготовки. Причем особое внимание уделяется выработке практических навыков, а также передаче профессиональных традиций непосредственно от опытных специалистов к новичкам. Такой тип отношений был характерен для средневековых мастеров и подмастеров.

Личность специалиста и ее профессионально значимые качества формируются в процессе многоступенчатого отбора, под непрерывным давлением профессионального сообщества как группы людей, разделяющих общие интересы, взгляды, предрассудки, часто даже манеру выражаться и одеваться. С помощью развитой системы стимулов и санкций складываются внутренняя структура и единство профессии. Жизнеспособность профессий прежде всего связана с тем, что они обеспечивают эффективный способ решения специфических задач в условиях ограниченных ресурсов. Для индивида принадлежность к определенной профессии означает, с одной стороны, идентификацию с какой-либо значимой целью, придающей смысл всей его жизни, а с другой – являет собою некий достаточно объективный критерий личных достижений. Далее, профессиональная организация означает, что сами специалисты осуществляют в известных пределах контроль над ресурсами и привилегиями. Это дает основания рассматривать профессиональные знания как своего рода собственность [Bourdieu, 1991]. И наконец, нужно отметить, что каждая профессия старается четко ограничить круг вопросов, относящихся к компетенции специалиста, и в этом смысле создает нечто типа шор, сужающих его поле зрения.

Исторически первыми профессионалами были отдельные независимые специалисты или их свободные ассоциации, получающие вознаграждение непосредственно от своих клиентов. Современное государство постепенно колонизировало их, превратив многих профессионалов в государственных служащих. Однако профессиям удалось и в этих условиях сохранить многие специфические характеристики.

Зачатки социальной работы как профессии появились чуть более столетия назад, когда некоторые благотворительные организации начали поиск новых моделей систематической работы со своими подопечными. До этого господствовал принцип разделения бедных и нуждающихся на «достойных» и «недостойных», то есть на тех, кому следует помогать, и тех, кто сам виноват, что оказался в трудном положении. Новый взгляд для начала перевел помогающих на сторону бедных, всех бедных. В результа-

те в XIX веке новые христианские «миссионеры» пришли к бедным в городские трущобы и даже начали селиться в них.

Понятие «социальный работник» вошло в обиход в конце XIX – начале XX века. Но как самостоятельная профессия и академическая дисциплина социальная работа вполне утвердила себя лишь после Второй мировой войны. Идеи New Deal в Соединенных Штатах 30-х годов, государства всеобщего благоденствия (Welfare State) в Западной Европе 40-х годов стали выражением признания права каждого человека – уже потому только, что он человек – иметь некий минимум достойного существования и превратили государство в гарант реализации этого права. Однако вскоре выяснилось, что для претворения подобной идеи в жизнь недостаточно хороших законов и соответствующих материальных ресурсов. Нужна также специальная система индивидуализированной помощи тем людям, которые по тем или иным причинам не вписываются в современное общество, оказываясь за бортом. Правительственным циркулярам и государственным ассигнованиям на социальные нужды предстояло найти конкретного адресата; они должны были быть тонко подогнаны к запросам живых людей, а иногда существенно пересмотрены в свете практики. Эту функцию и взяли на себя социальные работники.

Идея профессионализма, задающая соответствующую модель и стандарт поведения, оказала огромное влияние на всю организацию социальной работы – от низовой до глобальной, поскольку создала то идейное единство, которое характеризует профессиональную группу как некое «воображаемое сообщество»¹. Несмотря на разнообразие сфер специализации (разные категории клиентов, разные стили работы, разные теоретические подходы), во всех областях социальной работы определились некие общие особенности, которые позволяют считать этот род деятельности единой профессией, а не просто пестрым перечнем функций и организаций.

Развитие современного общества с присущими ему тенденциями к атомизации, фрагментации и маргинализации порождает все более отчетливую потребность в специализированной деятельности по решению разнообразных «социальных проблем». Социальная работа как особая профессия, со своим подходом к решению этих проблем и подготовке будущих специалистов, является своеобразным ответом на подобный запрос. Вместе с тем социальной работе присущи и некоторые особенности, обуславливающие противоречивость ее статуса. Сам характер тех проблем, с которыми она имеет дело, не позволяет предложить однозначных методов их эффективного решения. Любые же просчеты здесь особо заметны. Часто социальных работников превращают в козлов отпущения, на которых удобно сваливать вину

¹ Понятие заимствовано из работы Бенедикта Андерсона, посвященной этничности [Андерсон, 2001]. Интересно то, как это понятие перекликается с понятием профессионального самоопределения.

семьи, общества и государства. Молодость профессии объясняет сравнительную непрочность ее позиций в академическом и административном мире. Попытки социальных работников найти объективные и научные способы решения человеческих проблем часто вызывают недоверие, ибо данная сфера рассматривается как личностная и бытовая. То, что социальная работа активно вторгается в традиционную сферу личной жизни, предлагая свой «профессионализм» как частичную замену неформальных межличностных контактов вроде родственной поддержки или дружеского совета, нередко также вызывает враждебную реакцию и раздражение. Обыденное сознание сопротивляется внедрению научного подхода в личную жизнь. А представители академической науки, наоборот, часто отказывают социальной работе в праве считаться полноценной научной дисциплиной из-за отсутствия автономной и должным образом развитой теоретической базы. Для многих это интуитивное искусство, а не наука, которую можно постичь.

Однако главная причина неоднозначности и противоречивости социальной работы как профессии кроется в ее глубокой зависимости от современного государства, в ее своеобразных симбиотических отношениях с ним. Многие социальные работники служат в различных государственных учреждениях, цели которых не всегда совпадают с ценностями профессии. Именно со стороны социальных работников порой исходит наиболее острая критика в адрес государственной политики. Идея государственной системы социального обеспечения чаще всего базируется лишь на признании равных прав каждого гражданина (или человека) на минимум благ и в этом смысле является универсалистской. В реальной же деятельности социальные работники исходят из признания многообразия индивидуальных потребностей. Позиция социальных работников как специалистов-профессионалов предполагает объективность и беспристрастность, однако, по роду деятельности постоянно сталкиваясь с человеческими страданиями, они редко остаются безучастными зрителями. Выступая часто от имени государства, они представляют центральную деперсонализованную власть, но при этом берут на себя и функцию выразителей интересов и защитников прав наименее защищенных слоев населения. Таким образом, профессия ловко раздваивается, становясь похожей на двуликого Януса.

Начиная с 1960-х годов на Западе появилось немало представителей нового интеллектуального направления мысли, которые выступают с особо резкой критикой современного капитализма и государства. Они часто изображают социальную работу прислужницей эксплуататорского строя, которой поручен контроль за маргиналами. В таком понимании роль социального работника оказывается сродни роли полицейского или тюремного надзирателя, задача которых – сохранение господствующего порядка. Самым влиятельным представителем этого направления мысли стал в настоящее время М. Фуко. Продолжая линию, начатую Г. Маркузе в 1960-х годах [Маркузе, 2002 (1968)] и еще раньше Е. Гофманом [Goffman, 1961], Фуко

[Фуко, 1999; см. также: The Foucault Effect... 1991] заключил, что последние два столетия характеризовались беспрецедентным укреплением государственного аппарата, превращением его в ведущий механизм контроля за поведением людей, «которые огосударствляются» [Фуко, 1999]. Подобная интерпретация при всей своей научной значимости превращает социальную работу просто в одно из щупалец гигантского спрута, именуемого государством.

На самом деле все гораздо сложнее. Социальные работники никогда не были лишь послушными исполнителями воли государства. Их профессиональные союзы, в отличие от других профсоюзов, часто берут на себя защиту интересов не только своих членов, но и своих «клиентов» [Brandon et al., 1995]. Социальные работники действительно выполняют функцию «мягкого» контроля за маргинализированными слоями населения, но одновременно выступают как их защитники, их рупор, а порой даже как прямые организаторы их активной борьбы за свои права. Более того, в современных условиях, когда в погоне за сенсацией средства массовой информации часто искажают суть социальных проблем, именно социальные работники оказываются владельцами более достоверной информации о масштабах социальных бедствий, маргинализации, неравенстве, угнетении, отчаянии. Эти знания потенциально обладают радикализирующей силой.

Социальная работа, постмодернизм и современные политические идеологии

Итак, мы попытались проанализировать социальную работу как профессию и научную дисциплину в контексте эволюции важнейших мировоззренческих понятий «нового времени» – периода длиной в два с половиной столетия. Будет логично также рассмотреть ее связи с влиятельнейшими идейными течениями последних лет, то есть конца XX века – с постмодернизмом, а также современными политическими доктринами «новых правых» и «новых левых». Разумеется, данная тема более чем обширна, так что вашему вниманию мы предложим только своего рода введение, раскрывающее некоторые совпадения и конфликты понятий и установок.

Постмодернизм сложился во влиятельную силу как новая интерпретация общества и знания. Он резко критиковал традиционную академическую науку, провозглашал новую стадию культурного развития и предлагал альтернативную концепцию природы межличностных отношений и в особенности языка¹. Для него характерно отрицание как «эссенциализма» глобальных и универсалистских моделей общества, так и «всеобщих текстов» понятийных систем, а в особенности сомнение в возможности рациональной системной интерпретации человеческой истории. Последняя рассматривается как

¹ Блестящее выражение проблематики постмодернизма можно найти у З. Баумана [Bauman, 1992]. Важный анализ связи постмодернизма и социальной работы дан в работе Н. Партона [Parton, 1994].

нечто фрагментарное, изменчивое и полиморфное. Идеи детерминизма (особенно экономического) *a priori* отрицаются, а в центре внимания становятся маргиналы, люди, оказавшиеся в меньшинстве, в состоянии неопределенности и перед необходимостью выбора. Постмодернизм представляет собой, по сути, интеллектуальную реакцию на новый этап трансформации индустриального общества, характеризующийся глобализацией и информатизацией. В этом же ключе можно рассматривать: работы критиков теории модернизации И. Иллича [Illich, 1978] и В. Закса [The Development Dictionary... 1992]; опровержение исторической неизменности всеобщих принципов рынка у К. Поланьи и его более поздних последователей [Polanyi, 1957]; идеологии «новых движений» типа «Гринпис» и защитников прав коренного населения разных материков.

Социальная работа как профессия, то есть синтез практической деятельности и теории, всегда была чем-то близка тому, что мы сегодня именуем постмодернизмом, а можем назвать и словами Зигмунда Баумана «предчувствием постмодернизма». Она всегда признавала необходимость учета в рамках универсальных социальных программ индивидуальных особенностей своих «клиентов». В силу того, что социальным работникам чаще всего приходится иметь дело с определенным контингентом, они уделяют особое внимание таким сторонам человеческой жизни, которые приводят к психологической неустойчивости, отклонениям от нормы, маргинализации, отсутствию правопорядка и отчуждению.

Обучение социальных работников было также по духу постмодернистским. Достаточно отметить такие моменты, как несколько скептическое отношение к общим теориям поведения человека, признание информации основой человеческой и профессиональной деятельности, особое внимание к этической и эмоциональной компонентам социальной действительности. Еще задолго до того, как они вошли в моду в академических кругах, выражения типа «анализ дискурса», при всей своей абстрактности, были вполне понятны социальным работникам, которым постоянно приходилось иметь дело с интерпретацией высказываний «клиентов», а также текстов различных официальных и неофициальных документов. В историческом плане можно усмотреть общие корни этих форм аналитического мышления в теориях социальной фрагментации Г. Зиммеля и М. Вебера, а шире – в неокантианской и антипозитивистской философских традициях начала XX века.

В профессиональных и академических кругах широко распространено мнение, что как профессия социальная работа обязана быть политически нейтральной, что принципы гуманизма и научности требуют от нее полной и отвлеченной объективности. Не являясь орудием или лозунгом какой-либо политической партии, социальная работа тем не менее оказалась напрямую связана с политикой третьего цикла философии прав человека.

Характерный для этой концепции призыв к индивидуализации стал знаменем идеологов политического течения, которое получило название «новые

правые». Этот призыв был выдвинут как альтернатива социал-демократической («либеральной» на американском политическом языке) системе ценностей, господствовавшей в течение более чем полувека. Исторический парадокс заключается в том, что первые крупные выступления против усиления бюрократического государственного аппарата, приводящего к подавлению и отчуждению индивида, вдохновлялись главным образом лозунгами левых. Идеология так называемых «новых левых» 50–60-х годов нашла свое выражение, в частности, в мощных демонстрациях молодежи Праги и Парижа в 1968 году, студенческих волнениях в английских и американских университетах, маршах протеста против войны во Вьетнаме, создании поселений-коммун [Suarle, McConville, 1968]. Она взяла на вооружение взгляды, высказанные в работах современников – Миллса, Маркузе, Лэнга, Томсона, Свизи, а также почерпнутые из нового прочтения классиков прошлого – раннего Маркса, Вебера, Зиммеля и других. Острые критики были направлены против государства, понимаемого как универсальный инструмент и воплощение легитимности, а также против его претензий на роль верховной инстанции, которая ведает удовлетворением потребностей людей и определяет, кто из них этого действительно заслуживает. «Новые левые» отстаивали право людей самим определять свои потребности и создавать социальные механизмы их удовлетворения. В этом смысле требования французских или американских студентов были близки тем, что выдвигались в Праге сторонниками «социализма с человеческим лицом» и многими из российских диссидентов [Kusin, 1971; Golan, 1971]. Главным компонентом идеологии «новых левых» стала защита прав меньшинств и маргиналов, и в первую очередь права принадлежать к меньшинству или маргинальной группе и не подвергаться в связи с этим дискриминации, стигматизации или забвению. Экологические соображения и представления о связи экологии со структурой дискриминации также нашли здесь свое отражение. В систему таких воззрений вписывалась и широкая поддержка социалистов из стран Третьего мира: Вьетнама, Кубы, Никарагуа. В этом смысле возникшее движение можно было бы назвать красно-зеленым ¹.

Власть имущие решительно и эффективно ответили на брошенный им вызов 1968 года: советские танки вошли в Прагу, тень французских танковых дивизий, стоявших в Германии, нависла над Парижем, в Белграде полиция жестоко разогнала демонстрантов, а в США национальная гвардия открыла огонь по студентам Кентского университета. На Западе, вполне в духе его политических традиций, за этим последовали определенные политические компромиссы: так вскоре была закончена война во Вьетнаме, оказывавшая серьезное дестабилизирующее влияние на политическую жизнь. Не меньшее значение имела и реакция официальной оппозиции «старых» левых на Западе. Французские коммунисты сделали все возможное, чтобы направить

¹ Истоки подобного рода анализа можно найти у Колдуэлла [Coldwell, 1977].

недовольство парижской молодежи в приемлемое для себя русло, отвергая призывы к принципиально новым целям. На Востоке коммунистические режимы, как всегда, ответили привычными репрессиями: арестами, ссылками, заключением в психиатрические больницы. Поражение «новых левых» в 1968 году и попытка официальной левой оппозиции отмежеваться от их требований привели к ситуации, когда инициатива перешла к правым радикалам. Это вызвало также падение авторитета «старых» левых, в особенности коммунистов Западной Европы. «Новые правые» воспользовались ростом антигосударственных настроений и сомнений в эффективности решения социальных проблем посредством крупных государственных программ и быстро завоевали идейный и моральный авторитет, предлагая свой вариант социальной политики, нацеленный на увеличение свободы наиболее активной части населения. В качестве механизмов либерализации и стимулирования экономического роста здесь предлагались свободный рынок, приватизация и политика радикального монетаризма.

Первоначально «новые правые» взяли на вооружение идеи классического либерализма, который в XVII–XVIII веках бросал вызов старому режиму. Современное тоталитарное государство – новый Левиафан – стало главным объектом их критики. Ведущими идеологами этого течения выступили Хайек и Поппер, эмигранты-ученые, еще хранившие личные воспоминания о нацизме [Рорер, 1962]. Вначале их высказывания о том, что государственная система социального обеспечения едва ли способна гарантировать в полном объеме права и нужды человека, звучали гласом вопиющего в пустыне. Но, будучи подхвачены официальной идеологией тэтчеризма и рейганизма, эти идеи стали движущей силой новой «революции сверху» и до сих пор официально остаются тем идеологическим ориентиром, который определяет политику правительств и Международного валютного фонда.

В качестве лучшего способа утверждения права индивидуального выбора предлагалось создание благоприятных условий для частного капитала. Развал советского блока служил доказательством утопичности идей социализма, а равно и «государства всеобщего благоденствия». Естественно, что планы широкомасштабной приватизации в основном отвечали интересам новых капиталистов, более похожих на спекулянтов. Но и у остального населения они не вызвали особых возражений, поскольку к тому времени деятельность национализированных отраслей промышленности и «социальных» министерств, оказавшихся забюрократизированными, вызывала достаточное недовольство. В силу этого, требования децентрализации и разгосударствления встретили широкое одобрение. Однако дух и методы новых реформ все более расходились с формальной идеологией либерализма прошлого. Беспрепятственные вмешательства сверху, со стороны государственных бюрократических структур, всеобщая нестабильность, бесконечные перемены, свершающиеся по административным указам, – все это вряд ли снискало бы одобрение Адама Смита или Хайека. В то же время неконтролируемый рынок вел

ко все ускоряющейся экономической поляризации, повлекшей за собой такие социальные последствия, как увеличение преступности и нищенства. Государство ответило своим испытанным способом – применением силы. Такая стратегия была вполне официальной и нашла поддержку особенно среди тех, кто опасался беспорядков, не понимая их социальных причин. Того обстоятельства, что репрессивные методы противоречат официальным либеральным принципам, старались не замечать. Рост могущества государственной машины в сочетании с всесилием транснациональных корпораций – вот что все чаще стояло за разговорами о разгосударствлении и децентрализации [Button, 1995].

Итак, во многих отношениях «новые правые» представляют собой антипод «старых» правых, которые были истинными консерваторами, то есть сторонниками стабильности, патернализма, традиционных социальных институтов. «Новым правым» чужды также и моральные идеалы классического либерализма. Человечество для них – в первую очередь вечный, универсальный и оптимальным образом сформированный рынок. При таком подходе любая организация служит для манипулирования людьми: отдельный человек воспринимается как винтик большой машины, и всякие моральные соображения отпадают. Общество рассматривается как деперсонализированный рынок, а абсолютным и единственным мотивом деятельности людей признается экономический эгоизм – стремление к извлечению максимальной личной прибыли. Все остальное квалифицируется как утопизм или консерватизм. По мере того как их знаменем становился рыночный радикализм, сам термин «консерватизм» превращался для «новых правых» в бранный. Отрицательная реакция гуманитарных профессий на голый менеджизм интерпретировалась в том же ключе, а бедность рассматривалась как результат лени, неумения и нежелания работать. Предлагались все более жесткие меры контроля над претендентами на общественную помощь. Вместо всеобщего права граждан на социальное обеспечение опять выдвигались критерии для определения достойных. Социальные реформы стали синонимом «горького лекарства», которое должно пойти «им» на пользу, при этом под «ними» подразумевалось все население с низким доходом – и внутри страны, и интернационально.

Современная левая критика взглядов правых направлена, главным образом, против утверждения (предлагаемого как реализм и рационализм), что единственными движущими силами общественного развития являются рыночные отношения, погоня за прибылью и эффективный менеджмент. В противовес этому левые выдвигают в качестве столь же важного базиса человеческой деятельности альтруизм и солидарность. Из общности интересов рождается спонтанный внегосударственный коллективизм, который выступает единственным надежным гарантом индивидуальной свободы. Внутренние споры новых «новых левых» касаются в основном конкретной природы этой общности. Некоторые современные идеологи понимают «общность» прежде

всего как общность территориально-производственную (общины или кооперативы). Еще чаще естественную основу для объединения людей видят в желании защититься от существующей в обществе дискриминации по признакам расы или пола. Именно поэтому требование позитивной дискриминации, то есть привилегий слабым, становится главным в политической стратегии новых «новых левых». Позаимствовав некоторые либеральные, социалистические и народнические идеи прошлого, новые «новые левые» соединили их с призывами к радикальной демократизации общества и освобождению, таким образом, индивида от диктата как голого рынка, так и «государства всеобщего благоденствия». В качестве важного условия раскрепощения людей и демократизации (или *ре*-демократизации) они выдвигают также требование свободы доступа к информации [Ryle, 1988; Gilroy, 1987; Williams, 1989].

Подобная точка зрения связывает социальные проблемы с разрешением моральных дилемм, возникающих при принятии политических решений и заключающихся в том, что стремление к максимальному увеличению доходов вступает в противоречие с требованиями экологии или эстетики; а люди как объекты эффективного менеджмента противопоставляются тем же людям, взятым как субъекты исторического процесса. В такого рода анализе центральное место отводится также вопросам развития человеческой личности и защиты человеческого достоинства. Принципиальные различия взглядов правых и левых можно легко проследить, если прислушаться к их взаимной критике. Современные правые оценивают платформу левых как утопизм, рядящийся в одежды социологии или социальной этики. В глазах современных левых воззрения их политических оппонентов предстают попыткой привилегированных слоев общества оправдать свой беззастенчивый эгоизм ссылками на законы экономики и на принципы эффективного управления.

Социальная работа: идейные вопросы профессионального выдвижения

Социальные работники не были готовы к новому повороту политической и культурной истории. Их понимание профессионализма требовало отказа от участия в прямых политических конфронтациях, однако они оказались втянутыми в водоворот политических дебатов. С одной стороны, ясно обозначилось их неприятие государственной политики, воплощавшей идеологию «новых правых». С другой – они чувствовали необходимость определить свое отношение к постмодернизму и идеологиям левых. И мы можем проследить как известное сходство, так и различия этих трех идейных структур, оказавшихся в одном культурном пространстве современного мира.

Ресурсы, которыми располагают социальные работники, зависят не только от общей экономической ситуации, но и от идеологических и политических принципов распределения общественных средств. В этом смысле

в последнее десятилетие ситуация складывалась особенно неблагоприятно: денег на социальную работу выделялось недостаточно и одновременно все более ужесточалась система отчетности, хотя четких оценочных критериев не существовало, и сами требования постоянно менялись. В силу этого присущие социальной работе как профессии и научной дисциплине противоречия проявились особенно ярко.

Позиция «новых правых», во всяком случае на уровне деклараций, была близка социальным работникам постольку, поскольку она подвергала критике универсалистский подход к системе социального обслуживания и утверждала бесконечное разнообразие возможных типов нуждающихся. Делая упор на раскрытие потенциала личности и подчеркивая роль семьи, «новые правые» рассматривают социальную работу как одно из основных направлений своей деятельности. Но уверенность «новых правых» в том, что свободная игра сил рынка способна сама собой решить главные социальные проблемы, и вытекающее отсюда враждебное отношение к финансированию социальных программ из общественных фондов идут вразрез с тем, с чем на практике сталкиваются социальные работники.

То же касается и технократизма, который «новые правые» Запада выдвинули в качестве основного принципа организации всех аспектов жизни общества. Как писал один из современных авторов, «технократизм интересуется исключительно достижением целей, сформулированных внутри организации или теми, кто ее контролирует; он контролирует и контролируем», и поэтому для устанавливаемых им правил игры «нет аналогов в профессиональной этике, какую ни возьми профессию» [Bart, 1992]. Подобная установка противоречит целям социальной работы, направленной на реабилитацию, преимущественную помощь социально незащищенным и требующей уважения к «клиентам» и отношения к ним как к «субъектам».

Хотя сами социальные работники часто оказывались политически наивными, многие современные идеологи и политики правого толка быстро квалифицировали представителей этой профессии как потенциально враждебную силу («консервативную» на языке радикальных сторонников рынка, для которых единственным мериллом прогресса выступает степень приватизации). С точки зрения экономической модели, в которой любые государственные формы производства и обслуживания как таковые являются нерентабельными и сугубо потребляющими, а эффективно лишь частное производство, социальная работа – это, прежде всего, обуза для национальной экономики. К тому же социальные работники все время затрагивают этические проблемы и напоминают о масштабах обнищания в современном обществе. Следовательно, за ними нужен постоянный контроль, как, впрочем, и за другими профессионалами, которые видятся «новым правым» потенциальными участниками некоего «заговора против непрофессионалов». Над профессионалами должны стоять менеджеры, а сама профессиональная деятельность должна быть строго регламентирована. Ко всему этому

надо прибавить также программы перехода социального обслуживания на коммерческую основу [Simic, 1995]. Эти тенденции постепенно вылились в угрозу существования профессии социального работника как таковой. На Западе уже намечаются планы депрофессионализации социальной работы, в процессе которой она постепенно будет передаваться в руки бюрократов и клерков, обезличиваясь и формализуясь.

Что же касается постмодернизма, то, как сказано выше, социальным работникам во многом близок характерный для него стиль мышления [Taylor-Gooby, 1994]. Их не нужно убеждать в том, что люди по-разному интерпретируют окружающую действительность, наполняя ее субъективным смыслом. Однако эта профессия возводит в ранг абсолютного одно важное и всеобщее право человека – право на некий минимальный уровень благосостояния, гарантированный обществом и / или современным государством. Зная по опыту, что помощь людям – дело тонкое и не терпящее грубой стандартизации (поскольку люди очень по-разному реагируют на внешне сходные обстоятельства), социальные работники тем не менее в массе своей рассматривают практический альтруизм как универсальный принцип, без которого трудно представить себе эффективное взаимодействие людей. Верность этому взгляду определяла позицию социальных работников при столкновении со сложной и противоречивой социальной реальностью, зыбкость которой постмодернизм склонен возводить в абсолют.

И, наконец, обратившись к ключевым установкам левого края современного политического спектра Запада (которые, правда, все еще находятся в стадии формирования), мы можем увидеть у них немало общего с базовыми ценностями социальной работы, такими, как защита обездоленных, внимание к проблемам меньшинств, борьба с проявлениями дискриминации. Современная тенденция готовить будущих социальных работников не только к работе с частными случаями, но и к работе в социальной микросреде – так называемой «коммунальной социальной работе» – еще больше сближает эту профессию с левыми политическими течениями. Но при этом профессионализм включает в себя принцип научной объективности и непредвзятости, а также идею асимметричности отношений с клиентом. Профессионал всегда сохраняет известную дистанцию, стремится к самоустранению, ибо только тогда достигаются полная реабилитация и нормализация. Кроме того, практические усилия социальных работников адресованы не столько некоей обобщенной категории населения, классу или меньшинству, сколько конкретным индивидам и семьям [Williams, 1989]. В частности, учитывая все происходящее в последний период, на повестку дня образования и практики социальной работы выходят проблемы миграции и мигрантов, то, как происходит формирование и определение «смешанного» общества, которое создается на наших глазах. Эти и другие современные тенденции профессионализации социальной работы находят отражение и подкрепление в организации профессиональной подготовки специалистов.

Западный и российский подходы к подготовке специалистов

Задача охарактеризовать всю систему взглядов на образование, столетиями складывавшуюся в западных странах, чересчур широка, поэтому здесь будут рассмотрены только те аспекты западного образования, которые применимы и потенциально эффективны в России [см.: Шанин, 2001].

Основные принципы высшего образования на Западе

Одним из основополагающих принципов, на которых строится западная высшая школа, является выработка стандартов качества учебного процесса без попыток стандартизации самого учебного процесса. Как известно, в западной системе образования нет государственных стандартов, которые регламентировали бы содержание преподаваемых дисциплин, а также время, отводимое на изучение тех или иных тем и учебных предметов.

Сравнивая подходы к подготовке специалистов в российских и западных университетах, следует отметить и различное отношение к общему объему так называемого учебного времени, то есть времени, отводимого на изучение дисциплины. По данным проведенного нами анализа ситуации, в западном университете, чтобы стать бакалавром, студент должен затратить в среднем 3 600 часов совокупного учебного времени. Российские же образовательные стандарты предусматривают значительно большие временные затраты на подготовку студентов: от 7 450 (бакалавр культурологии) до 9 300 часов (бакалавр прикладной математики и физики).

Особый интерес представляет соотношение аудиторной нагрузки и времени, затрачиваемого студентом на самостоятельную работу. Общее учебное время в западных университетах включает несколько компонентов, причем аудиторная нагрузка составляет примерно 20–25 % учебного времени. В итоге на чтение литературы, подготовку письменных работ, самостоятельные исследования и подготовку к экзаменам отводится гораздо больше учебного времени, чем на лекции, практикумы и занятия с преподавателями. Например, в Великобритании студент проводит в аудиториях (включая лекции, тьюторские занятия, практикумы, контрольные и т. п.) в среднем 16 часов в неделю, в России же – до 40 часов. Если, не меняя объема аудиторной нагрузки, попытаться привести общее учебное время российских студентов в соответствие с учебным временем в западных университетах, мы получим примерно 100 часов в неделю или 20 часов в день.

Учебное время, отводимое в западных университетах на самостоятельную работу студентов, так велико еще и потому, что в эти часы студенты выполняют свои письменные работы (essays), и эта часть учебной деятельности рассматривается как основной элемент образовательного процесса, поскольку развивает мышление, логику, аналитические способности студентов. Письменные и экзаменационные работы студентов и осуществляемое на их базе общение преподавателя со студентами – основа подготовки

самостоятельно мыслящих специалистов, способных к дальнейшему самообучению и саморазвитию.

Первостепенное значение, придаваемое письменным работам студентов, позволяет западным университетам делать учебный процесс предельно прозрачным: академические успехи студентов могут быть при необходимости проверены кем угодно и когда угодно. Соответственно, оценки успеваемости выставляются студенту по результатам письменных работ, а также итоговых письменных экзаменов. Речь здесь идет не просто об иной форме проверки и оценивания знаний, но и о доверии университетов к оценкам, которые выставляются в каждом из них. Глобальная система контроля качества учебного процесса в западных университетах обеспечивается общим подходом к академическим результатам студентов. На этом же основана и система двойной проверки академических результатов: внутри университета (*double marking*) и посредством привлечения экзаменаторов из других университетов (*external examiners*). Сегодня в России не менее половины своих оценок студент получает за устный ответ на экзамене. Это влечет за собой как минимум субъективизм. Логично предположить, что на каком-то этапе интеграции образовательных систем от российских университетов могут потребовать соблюдения практически единого для европейских университетов правила проверки знаний студентов: все, за что студент получает оценку, он выполняет в письменном виде.

Западная система образования построена на принципе интерактивности, активного взаимодействия преподавателя и студента, поэтому преподаватель является не столько лектором для потока, сколько тьютором, научным руководителем студента, что, в свою очередь, диктует определенные требования к его квалификации. В этом случае от преподавателя требуется высокая профессиональная подготовка, особые навыки и умения, способность работать индивидуально с каждым студентом.

Западная система образования предполагает постоянную переподготовку преподавателей, которые на протяжении всей своей профессиональной карьеры обязаны регулярно и напряженно работать над собой, причем (для надежности) в постоянном взаимодействии со своими коллегами. Для этого предназначены и система «*sabbaticals*», когда преподаватель уходит на одногодичную научную стажировку в другой университет, и система «внешних экзаменаторов», когда преподаватели из разных университетов оценивают работу друг друга, и система «*peer review*», при которой опытные преподаватели постоянно работают с начинающими. Таким образом, западный преподаватель постоянно находится под своеобразным нажимом своей профессиональной среды: он обязан (почти вынужден) вести полноценную научную деятельность, обязан постоянно повышать свой уровень.

То же самое можно сказать и об университетских администраторах и библиотекарях. Администрирование и библиотечное обслуживание – важный элемент западной системы образования. Администратору, работающему в учебном учреждении, недостаточно иметь лишь склонность к этой дея-

тельности, а также некоторую базовую подготовку. Мы уверены, что в университете не может эффективно работать человек из другой профессиональной среды. «Хороший менеджер» или «квалифицированный администратор» – недостаточные характеристики для университетского работника. Здесь существуют особые критерии отбора, нужны специальная подготовка и переподготовка, необходимы такие же механизмы взаимодействия с коллегами, как и в преподавательском сообществе.

Важнейшее условие качественного образования – адекватное методическое и информационное оснащение учебного процесса. Для того чтобы студент самостоятельно работал с источниками, он должен получить к ним прямой и открытый доступ. Иными словами, университетские библиотеки должны иметь в своих фондах очень большие и постоянно пополняющиеся массивы классической и современной литературы по учебным дисциплинам, строить свою работу по принципу «открытых полок». Нет нужды аргументировать необходимость доступа студентов к компьютерам и сети Интернет. В западных университетах развитию библиотек уделяется первостепенное внимание: может не хватить денег на что угодно, но литературу в библиотеки будут закупать регулярно. Ситуация с российскими университетскими библиотеками хорошо известна, я объясняю ее нехваткой средств и «подходом к образованию».

К числу наиболее важных инноваций, которые могут изменить к лучшему подготовку политологов, экономистов, социальных работников и социологов в российских университетах, я бы отнес следующие: перенос центра тяжести с аудиторной работы на активную самостоятельную работу студентов; повышенное внимание к использованию в учебном процессе студенческих письменных работ, выполнение студентами в письменном виде всего того, за что они получают оценки; разработку действенной системы переподготовки преподавателей, администраторов и библиотекарей (речь идет не о создании еще одного или нескольких институтов повышения квалификации, а о формировании системы постоянного профессионального роста, включая научно-исследовательскую работу преподавателей); целенаправленное формирование современной информационно-технологической базы российских университетов, в том числе комплектование библиотек; внедрение междисциплинарного подхода к составлению учебных планов на первых двух курсах высшей школы, что даст студентам возможность более взвешенного выбора профессиональной специализации на последних курсах. Для социальных работников огромное значение имеет приобщение к практике в поле их будущей профессиональной деятельности, о чем более подробно я скажу ниже.

Московская высшая школа социальных и экономических наук – шаг в будущее

Десять лет назад мною и группой моих коллег была предпринята попытка создать учебное заведение, которое бы интегрировало в себе лучшие черты как западной, так и российской систем высшего образования. Сегодня

Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН), ректором которой я являюсь, предлагает студентам уникальную для России образовательную программу, действительно сочетающую в себе лучшие западные и российские образовательные традиции, причем делается это вполне эффективно. Учебный процесс в школе построен, главным образом, на западных образовательных подходах и технологиях, однако используется все, что хорошо зарекомендовало себя в российской высшей школе. Благодаря системе двойного тестирования академических успехов студентов школы (эссе, диссертации, письменные экзаменационные работы проверяют как российские преподаватели, так и западные внешние экзаменаторы), ее выпускники вот уже пять лет подряд получают по окончании обучения два диплома – российский и британский.

Ключевым элементом нашей работы является принцип «академической свободы», который, вопреки ожиданиям многих сторонних наблюдателей, неплохо прижился на российской образовательной почве. В нашем статуте заявлены четыре степени академической свободы, вытекающие одна из другой: свобода университета в определении содержания своих учебных планов и программ; свобода факультета, без вмешательства университета, определять содержание дисциплины; свобода преподавателя определять содержание своего курса без вмешательства факультета и, наконец, свобода студента выбирать большинство курсов (формировать свой учебный план) в ходе учебы.

В своей работе Московская школа отбирает из западного опыта то, что органично сочетается с российскими академическими традициями и образовательными технологиями, эффективно работает и обнаруживает свою целесообразность, остальное же отбрасывается. В этом смысле школа является своеобразным полигоном, площадкой, где проходит вполне успешный образовательный эксперимент по интеграции российской и западной образовательных систем. Наши студенты за год учебы в школе должны не только усвоить немалый объем знаний, но и работать в непривычных для себя условиях. Количество обязательных курсов и объем аудиторной нагрузки сведены к минимуму, основная работа осуществляется в библиотеке, основой учебного процесса являются работа преподавателя в малых группах и тьюторские занятия, студенты готовят письменные работы по всем изучаемым курсам, контроль знаний проводится только в письменном виде и т. д.

Это, на наш взгляд, создает основу для более широкого использования нашего опыта в российской системе высшего и постдипломного образования. Мы с готовностью делимся опытом своей работы со всеми, кого это интересует, наши учебные программы и методы работы открыты для коллег из других университетов, а большая когорта наших выпускников уже преподает в вузах России и, как мы надеемся, передает лучшее из того, чему мы их научили, своим студентам.

Московская школа – не просто еще один университет. Это университет, который строился по другим принципам педагогического приоритета. Теперь

все больше университетов перенимают эти элементы, это меня радует. МВШСЭН была создана как модель. Эта модель реализует в России обычаи ведущих английских университетов. Российская система строилась часто на том, что перед классом стоит преподаватель и рассказывает, что есть правда. Студенты это записывают, и на финальном этапе они ему это повторяют. И если у них хорошая память, они получают высокую оценку, если у них плохая память, то они не получают высокую оценку. Это система, которая продвигает заучивание, а не обучение. На уровне университета эта система опасна. То есть в начальной школе, когда надо научиться, как правильно писать букву «А», это сойдет, но чем дальше движешься в образовании, тем дальше надо от этого отходить. Вопрос – куда отходить? И отходить надо в сторону независимой работы студента, когда он работает самостоятельно или в маленькой группе, с друзьями. Это значит, отходить в сторону системы, в которой больше письменной работы. Так приобретается навык исследовательской работы. Ведь плавать учатся не теоретически, а входя в воду. На занятиях преподавателя с небольшой группой студентов вырабатываются навык и умение писать, потому что продукт науки – писать, а не говорить.

Преподаватели Московской школы в своей работе используют принцип интеграции британской и российской академических традиций. Лучшее из британской системы образования, что используется в учебном процессе в Московской школе, – это, во-первых, очень сильный интерактив, что означает постоянное академическое общение преподавателей и студентов. Добиваются этого и методом занятий преподавателя в маленькой группе, и методом письменных работ, и тем, что создается очень неформальная атмосфера. Во-вторых, резкое уменьшение периода пребывания в аудитории и за счет этого увеличение времени, когда работаешь сам или в небольшой группе студентов. Студенты могут сами работать: их учат, но они и учатся сами. Однако есть у студентов и слабые места. Во-первых, неважное знание английского языка у студентов из провинции и других республик. Во-вторых, студенты не всегда умеют мыслить независимо: делать выводы, представлять материал в критическом и альтернативном виде. То есть, работать как молодые ученые, а не как стареющие школьники шестого класса. Есть такое понятие «инфантилизация», когда ты разрешаешь людям быть детьми, и этот процесс инфантилизации довольно силен в российской образовательной системе. Если будешь относиться к студентам как ко взрослым, они начнут давать результаты как взрослые, но для этого надо доверять людям и заставлять работать.

Один из элементов британской системы, может быть наиболее важный, – активизация студентов. Мы убеждены, что в стенах нашей школы студенты должны становиться взрослыми учеными и взрослыми гражданами своей страны. Если ты учишь человека, преподнося ему готовые зна-

ния, то ты не учишь его, а мешаешь ему развиваться. Фактический материал студенты, конечно, должны усваивать, но он не должен становиться самоцелью. Исходя из этого, мы пересмотрели некоторые подходы, принятые в традиционной российской высшей школе.

Во-первых, количество часов, отводимое на лекции и самостоятельные занятия. Мы делаем упор именно на последнее, что, в свою очередь, потребовало от нас перестройки учебных программ и библиотеки. У нас создана так называемая «библиотека открытых полок», подкрепленная электронными средствами получения информации. Наши студенты существуют не от курса к курсу, а от одной письменной работы к другой. Разумеется, преподаватель дает консультации, а сами студенты обсуждают свои работы в небольших группах. Но главное – такой подход подталкивает их к развитию самостоятельного мышления.

Во-вторых, у нас сложилась гораздо более неформальная система взаимоотношений студентов с преподавателем, что опять-таки подразумевает интерактивность. Кстати сказать, в конце года мы обязательно проводим опрос среди студентов, чтобы выяснить, что им нравится, а что не нравится. Из года в год они выделяют как одну из лучших черт нашей школы – ее демократичность. Поначалу мне казалось это странным. Но когда я попытался разобраться, что же они имеют в виду, то понял – речь идет о возможности легко и свободно общаться с преподавателем, заранее зная, что он не отмахнется ни от одного вопроса. У нас принято спорить с преподавателем. Если студент хочет получить высокую оценку, он должен уметь спорить, то есть аргументировано доказывать свою точку зрения.

Чем еще отличается школа? Мы гораздо жестче, чем это принято в других вузах, оцениваем достижения наших студентов. У нас нет и не может быть ситуации, при которой 80 % учащихся – круглые отличники. Ведь очень важно, чтобы человек сам умел трезво оценивать себя. Поэтому мы используем не пятибалльную, как в России, а 100-балльную шкалу. Экзамены в подавляющем большинстве проходят в письменной форме. Каждую работу читают параллельно три преподавателя: два «своих», штатных, и один «внешний» – своего рода независимый эксперт. Это позволяет, с одной стороны, избежать субъективности в оценках, а с другой – повышает ответственность проверяющего. Мы поменяли структуру учебных программ, и теперь у нас значительно меньше обязательных курсов, зато больше факультативов, которые студент выбирает для себя сам. Иными словами, его будущая специализация в существенной степени зависит от него самого, что, на наш взгляд, также очень важно для формирования зрелого специалиста.

Будущее Московской школы – это очно-заочное образование, причем Московская школа должна, с точки зрения возраста своих студентов, идти вверх, то есть мы должны больше работать со взрослыми студентами. Взрослый студент – это человек, который свое будто бы уже отучился, который уже занимает определенный пост, имеет профессию, который

разбирается в действительности и приходит к мысли, что надо дальше учиться. Такие студенты, на мой взгляд, недостаточно «обслуживаются» в университетской системе, и на данном этапе очень важно выйти на эти новые категории обучающихся.

Основные принципы обучения социальной работе в МВШСЭН

Характер профессиональной деятельности требует от социального работника знакомства с широким кругом вопросов, начиная с организации системы социального обеспечения в целом и соответствующего законодательства, элементов социологии и экономики и заканчивая конкретными, то есть предполагающими знание прикладной психологии, приемами работы с «клиентами». Ядром социальной работы, получившей распространение на Западе, стал наработанный и обобщенный метод «работы с каждым конкретным случаем», впитавший в себя, с одной стороны, элементы разных научных дисциплин, в частности психотерапии, а с другой – опыт оказания помощи индивидам и семьям в кризисных ситуациях [Hollis, Woods, 1981; Dayle, 1994]. Выбор форм действия вытекает здесь из определенной интерпретации целей и задач социальной работы. При этом основное внимание уделяется динамике данного общества, реакциям людей на жизненные трудности и особенностям взаимодействия индивидов со своим социальным окружением. Поскольку сфера деятельности социального работника обширна и не всегда может быть четко очерчена, подготовка будущих специалистов в этой области включает помимо академического компонента обязательную практику под руководством опытного наставника. Важное значение придается, кроме того, формированию индивидуально-психологических черт, отвечающих требованиям профессии, а также выработке профессиональных навыков, среди которых можно назвать умение устанавливать контакты, вести переговоры, защищать интересы клиентов, сотрудничать с представителями смежных профессий, выступать формальным и неформальным лидером.

В программе «Социальный менеджмент и социальная работа» Московской школы есть две специализации. «Социальный менеджмент» предлагает повышение квалификации в области стратегий принятия решения относительно развития социальной сферы и технологий управления социальными службами. Условно курсы специализации делятся на три группы: макроуровень развития социальной сферы, технологии управления, экономические основы менеджмента. Такие курсы, как «Социальная политика», «Социальное моделирование и проектирование», «Принятие решений», формируют у слушателей способность анализировать развитие социальной сферы и разрабатывать стратегии ее оптимизации. Курсы «Направления современного менеджмента», «Модели государственного администрирования» направлены на развитие комплекса умений по руководству службами. Курсы «Финансирование социальной сферы», «Экономика общественного сектора», «Со-

циальный маркетинг» содействуют формированию экономических основ управленческой деятельности. Выпускники специализации работают в области управления социальными службами, являются организаторами новых для России и стран СНГ агентств, становятся менеджерами зарубежных социальных программ, которые работают в России и странах СНГ.

Специализация по социальной работе направлена на освоение перспективных для России и стран СНГ технологий психосоциальной помощи. В рамках специализации слушатели осваивают как общие для всех направлений социальной работы технологии, так и методики, адресованные определенной социальной группе – детям-сиротам, людям с особыми потребностями, пожилым, проблемным семьям. Основу обучения составляет освоение технологии работы со случаем – новой для России, но основной для развитых стран стратегии социальной работы.

Основные принципы, на которых строится образовательная программа по социальной работе и социальному менеджменту, это, прежде всего, сочетание преподавания и исследовательской работы; индивидуальный подход к работе со слушателями; междисциплинарная подготовка специалистов; соединение академических и практико-ориентированных методов обучения.

Социальная работа – недавно возникшее направление общественного развития в России. Пока для специалистов по социальной работе, преподавателей, исследователей больше вопросов, чем ответов. Поэтому преподавание социальной работы должно сочетаться с научно-исследовательской деятельностью преподавателей [Программа... 2004]. Преподаватели программы разрабатывают проблему эффективной модели социальных служб в России и странах СНГ. Что соединяет исследовательскую и образовательную деятельность программы? Стремление определить возможности и ограничения использования зарубежного опыта социальной работы в России и странах СНГ. Результаты научных исследований включаются в содержание учебных курсов. Одним из приоритетных направлений исследовательской работы программы в 2003–2004 годах становится профилактика социального сиротства. Сочетание процессов обучения и научного исследования отличает не только работу преподавателей, но и слушателей факультета. Курс «Методология и методы социальных исследований» формирует готовность слушателей вести научные изыскания в области социальной работы и управления социальными службами.

Ведущим принципом взаимодействия преподавателей и слушателей становится обратная связь. На факультете практикуются специально организованные формы работы, которые позволяют наилучшим образом выстроить контакт специалистов программы и слушателей. Программа включает такие традиционные для британского университетского образования формы работы со слушателями, как индивидуальные и групповые тьюториалсы, то есть обсуждение с преподавателем в рамках преподаваемого курса интересных для слушателя проблем. Важным элементом образования в области социаль-

ной работы является обобщение профессионального опыта. Слушателям предоставляется такая возможность в рамках курсов «Введение в социальную работу», «Организации социальной сферы». Ряд курсов предлагает слушателям разработать проект своей будущей профессиональной деятельности и обсудить его с преподавателем курса.

Основной формой отчетности по каждому из курсов является эссе – письменная работа, в которой слушатель осмысляет некую проблему в рамках дискурса учебной дисциплины. Практикуется написание промежуточного эссе, которое не оценивается, но обсуждается с преподавателем. Такая практика содействует развитию системного мышления слушателей. Таким образом, в течение года у слушателя есть возможность поработать под научным руководством целого ряда исследователей. Программа завершается написанием магистерской диссертации. Научное руководство диссертации сочетается с предварительным обсуждением плана диссертации всеми преподавателями программы.

Специалисты социальной работы должны обладать знаниями, умениями и опытом в разных сферах психосоциальной помощи. Слушатели программы осваивают методы работы на уровне «social policy making», то есть умения принимать политически важные решения, разрабатывать и осуществлять проекты преобразования социальной сферы. Такие курсы, как «Сравнительное социальное законодательство», «Социальная политика», «Социальное моделирование и проектирование», «Модели государственного администрирования», формируют готовность слушателей рассуждать на уровне принятия управленческих решений. Для социальных менеджеров это направление обучения имеет решающее значение, однако и специалисты по социальной работе должны понимать социальную проблему как политико-правовую и социоэкономическую задачу. Слушатели изучают технологии работы с человеком, обращающимся в социальные службы, методологию и методику психосоциальной помощи. Такие курсы, как «Технологии и методы социальной работы», «Методы групповой работы», «Социальная работа в здравоохранении», «Психическое здоровье», предлагают освоить технологии работы с определенными социальными группами и проблемами клиентов. Эта специализация необходима как для социальных работников, так и для менеджеров, которым важно понимать, какими специалистами и какой деятельностью они руководят.

Задача переноса полученных знаний и умений из области теории в область повседневной профессиональной практики – одна из ведущих для программы Московской школы. Значительная часть курсов соединена с практикой слушателей программы. В ходе курса «Введение в социальную работу» слушатели изучают опыт работы различных организаций и знакомятся с системой служб социальной помощи. В рамках курсов «Организации социальной сферы», «Социальное моделирование и проектирование» анализируют перспективы развития организации, разрабатывают и осуществляют проект

оптимизации деятельности служб. Значительная часть курсов «Методы групповой работы», «Технологии и методы социальной помощи» проходят в рамках выездных занятий, когда специалисты осваивают и апробируют технологию работы. Определенная часть курсов способствует формированию таких профессионально значимых качеств, как коммуникативная компетентность, профессиональная рефлексия, саморегуляция помогающего специалиста.

Практика – основной элемент обучения по программе «Социальный менеджмент и социальная работа». Преподаватели и слушатели этой программы считают, что производственная практика – одна из сильных сторон обучения в Московской школе. В разработке содержания и структуры практики использовался опыт ряда факультетов социальной работы британских университетов. Отличительными чертами практики являются:

- разнообразные формы супервизии работы студентов со стороны преподавателей школы;

- возможность проходить практику в перспективных и новых для отечественной системы социальной работы учреждениях;

- включение части заданий практики в ряд учебных курсов: «Введение в социальную работу», «Организации социальной сферы», «Технологии и методы социальной работы», «Социальное моделирование и проектирование», «Методы групповой работы», «Ведение случая».

Практика проходит в два этапа: ознакомительная практика, в рамках которой слушатели посещают организации, возможные места практики; производственная практика, в рамках которой слушатели реализуют проект, разработанный совместно с преподавателем факультета и специалистом организации, места практики. В ходе производственной практики слушатели также выполняют и аналитическое задание: изучение организации и анализ случая из практики помогающего специалиста организации.

Заключение

В условиях хронической административной и финансовой нестабильности современного государства и всех его структур будущее социальной работы, ее жизнеспособность как особой профессии и научной дисциплины зависят от способности отстаивать право на собственное видение проблем, организационную самостоятельность, общественное финансирование, специфическую функцию в обществе и специфическую же подготовку кадров. В условиях постоянного государственного давления сверху, часто при безразличии или даже враждебности общества в целом, раз за разом возникает вопрос о выживании социальной работы как профессии. С учетом этого представляется особенно важным определить основополагающие принципы и указать место социальной работы в общекультурном контексте.

В нашу эпоху мощного влияния идеологии «новых правых», представляемую как реализм – иногда горький, но единственно приемлемый, – соци-

альная работа как таковая продолжает отстаивать необходимость комплексной социальной политики, ориентирующейся в первую очередь на индивидуализированную поддержку нуждающихся в помощи. Социальная работа сохраняет верность идеям прав человека и профессионализма, воспринимая себя как современное их воплощение. Как и другие гуманные профессии, она ориентируется на общечеловеческие ценности и поэтому часто выступает в роли критика, подвергающего сомнению правильность существующего порядка вещей.

Подчеркнем: служение людям, а не нажива. Подчеркнем: дело всей жизни, а не просто прилежное исполнение обязанностей или приказов сверху. Подчеркнем: абсолютная преданность своему профессиональному долгу. Подчеркнем: добровольная и сознательная личная клятва честью. Тот факт, что подобные клятвы не всегда в полной мере выполняются на практике, не перечеркивает их смысла. Как говорится в одном из важных документов ООН, «моральный кодекс всегда предшествует моральному поведению... Если бы люди не формулировали для себя высоких моральных принципов, прогресс, уже достигнутый, был бы невысшим». Именно с такой точки зрения следует оценивать перспективы социальной работы как профессии и как научной дисциплины, а также как взгляда на мир человеческих взаимоотношений и как жизненной позиции.

Мы выходим на опасный рубеж, когда возможна инфляция высшего образования. Это в какой-то мере даже хуже, чем нехватка профессионалов. Распределение стало бы уходом назад, в советскую систему. Такая практика, при которой государство или предприятие будут заключать договор со студентом и вузом с последующей отработкой выпускника на предприятии, на Западе хотя и применяется, но редко. Это уводит внимание тех, кто планирует образование, от решающего вопроса – качества подготовки. Тем временем все более центральными в определении профессионализма сегодня становятся задачи качества образования и практики социальной работы, обсуждаются критерии оценки эффективности, результативности. Само понятие качества определяется вновь и переосмысливается.

Российской системе образования не помешало бы помимо вертикали власти создание нечиновной элитой страны своего канала влияния на развитие образования. Это могут быть попечительские советы, которые вместе с усиленными учеными советами будут контролировать качество, система профессиональных ассоциаций преподавателей вузов, которые, с одной стороны, влияли бы на работодателей, а с другой – на общественное мнение.

У меня нет никакого сомнения в том, что Россия присоединится к Болонскому процессу. Это только вопрос времени. Я не вижу возможности развития России как европейской страны, играющей большую роль в европейской культуре, вне близких связей с академической культурой Европы. Убежден, что нельзя просто «парашютировать» определенную университетскую систему, выросшую на базе определенной культуры, в страну иной культуры. Зато можно интегрировать лучшее в западной и российской системах образования.

Список литературы

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М.: Кучково поле, 2001.
- Маркузе Г.* Одномерный человек // Герберт Маркузе. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: Издательство АСТ, 2002.
- Программа «Социальная работа и социальный менеджмент»* Московской высшей школы социальных и экономических наук, 2004 // <http://www.msses.ru/win/faculty/socialwork/index.html#books>.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999 [1975].
- Шанин Т.* Западный и российский подход к подготовке специалистов // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 159–162.
- Шанин Т.* Социальная работа как культурный феномен современности: новая профессия и академическая дисциплина в контексте социальной теории и политической практики наших дней // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики. М.: Аспект-Пресс, 1997. С. 18–43.
- Abbot A.* The System of Professions. Chicago: University of Chicago, 1988.
- Barr N.* Economic Theory and the Welfare State // Journal of Economic Literature. 1992. Vol. XXX. P. 741–803.
- Bauman Z.* Imitations of postmodernity. New York: Routledge, 1992.
- Beyond Community Care: Normalisation and Integration* / S. Ramon (Ed.). London: Macmillan, 1991.
- Bourdieu P.* Homo Academicus. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Bourdieu P.* Language and Symbolic Power. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Brandon D., Brandon A., Brandon T.* Advocacy: Power to Disabled People. Birmingham: Venture Press, 1995.
- Brown H., Smith H.* Normalisation: A Reader for the 1990s. London: Tavistock, 1990.
- Button W.* The State We're In. London, 1995.
- Coldwell M.* The Wealth of Some Nations. London: Zed Press, 1977.
- Cooper D.* The Dialectics of Liberation. Harmondsworth: Penguin, 1968.
- Dayle C.* Casework // Practising Social Work / C. Hanvey., T. Philpot (Eds). London: Routledge, 1994.
- Etzioni A.* The Semi Professions and Their Organisation. New York: Free Press, 1969.
- Freidson T.* Professionalism Reborn: Theory, Prophecy and Policy. Chicago: The University of Chicago Press, 1994.
- Gilroy P.* There Ain't No Black in the Union Jack: The cultural politics of race and nation. London: Hutchinson, 1987.
- Goffman E.* Asylums. New York: Doubleday, 1961.
- Golan G.* The Czechoslovak Reform Movement. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
- Greenwood E.* Attributes of a Profession // Social Welfare Institutions / M. N. Zald (Ed.). New York: Wiley, 1965.

- Hayek F.* The Road to Serfdom. London: Routledge & Sons, 1944.
- Hollis F., Woods M. E.* Casework: A psycho-social therapy. 3rd ed. New York: Random House, 1981.
- Illich I.* Disabling Professions. London: Boyars, 1972.
- Illich I.* Towards a History of Needs. New York: Bantam, 1978.
- Kusin V. V.* The Intellectual of Prague Spring. The development of reformist ideas in Czechoslovakia, 1956–1967. London: Allen & Unwin, 1971.
- Malin N.* Implementing Community Care. Buckingham: O. U. Press, 1994.
- Parton N.* Problematics of Government, (Post) Modernity and Social Work // British Journal of Social Work. 1994. № 24. P. 9–32.
- Polanyi K.* The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. Boston: Beacon Press, 1957.
- Popper K.* The Open Society and its Enemies. London: Routledge, 1962. Vol. 1, 2.
- Reader K.* The May 1968 Events in France: Reproductions and Interpretations. Basingstoke: Macmillan, 1993.
- Ryle M.* Ecology and Socialism. London: Radius, 1988.
- Shanin T.* Placing Social Work within Social Theory and Political Practice // The Interface between Social Work and Social Policy / S. Ramon (Ed.). London: Venture Press, 1998.
- Simic P.* What's in a Word: From Social «Worker» to Care «Manager» // Practice. 1995. Vol. 7. № 3. P. 10–11.
- Suarle P., McCorville M.* Red flag / black flag. French revolution, 1968. 1st American ed. New York: Putnam, 1968.
- Taylor-Gooby P.* Post Modernism and Social Policy: a Great Leap Backward? // Journal of Social Policy. 1994. Vol. 23. № 3. P. 385–404.
- The Development Dictionary.* A Guide to Knowledge as Power / W. Sachs (Ed.). London: Zed Books, 1992.
- The Foucault Effect: Studies in Governmentality* / Burchell G., Gordon C., Miller P. (Eds). London: Harvester, 1991.
- The Rise of Stalinism in NHS* (editorial) // British Medical Journal. 16 Dec. 1994.
- Torstendahl R., Burrage M.* The Formation of Profession. London: Sage, 1990.
- Wainwright H.* Argument for a New Left. Oxford: Blackwell, 1994.
- Williams F.* Social Policy: A Critical Introduction. Cambridge: Polity Press, 1989.

Теодор Шанин

PhD, профессор социологии, Манчестерский университет,
ректор, Московская высшая школа социальных
и экономических наук (МВШСЭН)

электронная почта: common@msses.ru
<http://www.msses.ru/shanin>
